

В.В. Шапошникова

«На поле Куликовом»

— *Объясните порядок слов в названии цикла.*

Инверсия «На поле Куликовом», а не «На Куликовом поле» придает эпический размах заглавию и имитирует стиль древнерусских повестей «Куликовского» цикла, например, «Сказания о Мамаевом побоище».

— *В чем особенность строфики этого стихотворения, смысл его ритма?*

Чередование плавных и длинных нечетных строк с короткими, как бы рублеными четными создает тревожный, «нервный» ритм; он присутствует уже в первой, пейзажной строфе, по смыслу спокойной и умиротворенной. Тревога за судьбу родины, неравномерность, порывистость бега «степной кобылицы» угадываются уже здесь. Обилие недоговоренностей (их обозначают многоточия), восклицаний, повторов («летит, летит», «идут, идут», «плачь.., плачь») передает взволнованную, рвущуюся речь, «плач» сердца.

— *В чем логика перехода от «грусти» реки и стогов к «боли» понимания долгого пути родины?*

В подчеркнуто-русском пейзаже, открывающем цикл, больше всего «грусти»: широта, величие («река раскинулась») порождают не гордость, к примеру, а почему-то «грусть», и уже в этом — источник острого знания о ясном до «боли» долгом пути родины. Грустит река, и грустят стога. В этой грусти нет, пожалуй, сентиментальности: река «грустит лениво» и как-то отстраненно-просветленно. К тому же река «моет» берега — и здесь черта женственной плавности. Во всем пейзаже — родная скудость и пустыньность. Надо отметить, что на блоковское восприятие родины как простора повлияло творчество поэта Ивана Коневского (настоящая фамилия Ореус, 1877–1901). Не забудем, что описывается «поле» — место совершения исторических судеб России. Стихотворение движется от «грусти пейзажа» — через «боль» понимания долгого пути родины — к «тоске безбрежной» Руси. Речь идет о Куликовом поле, здесь, рядом с Доном и Непрядвой, 8 сентября 1380 года произошла битва между войсками князя Дмитрия Ивановича (Донского) и хана Мамаю. Блок был уверен, что таким событиям русской истории суждено возвращение, об этом говорится в 5-м стихотворении цикла и в статье «Народ и интеллигенция» (1908). Противостояние двух станов перед Куликовской битвой повторилось в ситуации 1908 года в виде противостояния народа и интеллигенции: русский стан Дмитрия Донского — это «полуторастамиллионный» народ, неисчислимые силы которого еще дремлют в бездействии, а «вражий стан поганой орды» — это «несколько сот тысяч» интеллигентов, не умеющих найти пути к народу. Второе и третье стихотворения блоковского цикла перекликаются со следующим местом из статьи «Народ и интеллигенция»:

«Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой же гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. Скрипят бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди».

— *Почему, по-вашему, Блок называет Русь «женой»?*

Это, надо заметить, один из вариантов прочтения блоковского шедевра — можно эти выражения «О, Русь моя! Жена моя!» понять как обращения к разным лицам — Руси и жене. Жена, далее, может быть воспринята как евангельское имя Божьей Матери. Наконец, чаще это место воспринимают как отождествление Руси и жены. Чувство общей судьбы, общего «долгого пути», интимная слитность — характерные черты блоковской любви к родине и к жене. Чувство Блока к его жене Л.Д. Менделеевой-Блок, подвергшее-

ся в 1906–1908 тяжелым испытаниям, тем не менее устояло: оно было для Блока святым и направляющим (не случайно упоминается «светлая жена» во втором стихотворении цикла; «Быть светлым меня научи», – просит герой в четвертом стихотворении). Женская суть Руси мерцала для Блока разными ипостасями в третьем стихотворении цикла — жена, мать, невеста, Богоматерь. День Куликовской битвы 8 сентября (по новому стилю 21 сентября) — Праздник Рождества Богородицы, заступницы русского воинства, это она «сошла» с туманами над Непрядвой, ее «клик нерукотворный» был в щите сражающихся за Русь.

— *Что значит для поэта «тоска» Руси?*

«Наш путь», хотя и долгий, проходит в «тоске». «Тоска» — одна из самых характерных основ русского бытия, к тому же эта «тоска» — «безбрежная», как многое на Руси; в «тоске» поэт видит особое проявление силы и надежды: «И даже мглы... я не боюсь». Появляются упоминания «мглы», «ночи» — этой тьме, в том числе «зарубежной» мгле, нашествию врагов, противопоставляется свет («озарим кострами») и блеск битвы («блещет святое знамя И ханской сабли сталь»). «Тоска», как обнаруживается, происходит оттого, что бой на этом поле — «вечный», «покой нам только снится Сквозь кровь и пыль...»

— *Опишите движение степной кобылицы — что оно символизирует? Традиции русской литературы в этом образе.*

Полет («летит, летит») — символ устрашающе («Останови!», «испуганные тучи») быстрого исторического пути России, и пути притом неравномерного («кобылица несется вскачь») и трагического («кровь», «плачь, сердце, плачь»). Гоголевские финалы «Записок сумасшедшего» и первого тома «Мертвых душ» явно просматриваются в исторических пророчествах Блока. По-гоголевски названы здесь и верстовые столбы — «версты», которые «мелькают» перед глазами в стремительном полете. «Пыль», тоже упомянутая Гоголем, сопровождает ужасающе быстрое движение. Животное, чье движение символизирует исторический путь России, — не конь (как у Пушкина в «Медном всаднике», где источник этой плодотворной ассоциации), не просто лошадь (это все же животное домашнее), а именно дикая, необъезженная, молодая «степная кобылица», буйное и женское начала подчеркнуты в этом образе. С тревогой и смятением наблюдая за ее полетом, незримый автор по-лермонтовски вздыхает о «покое», который «только снится». Голос этого же незримого автора — в крике «Останови!», из его сердца струится кровь, до того окрашивавшая «закат» — пейзаж «Руси» и пейзаж души автора сливаются в одной трагической картине.